

Сардарян Г.Т.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация: Предметом исследования является позиция Католической церкви по наиболее важным аспектам политического и экономического развития общества в период Великой французской революции и непосредственная реакция церкви на принятие во Франции светской конституции, а также Гражданского устройства духовенства, как попытки подчинить церковных функционеров светской власти. Отдельно в работе рассматриваются основные источники, содержащие позицию Католической церкви по секулярным тенденциям в европейских странах – папские энциклики в период понтификата Бенедикта XIV (1740-1758 гг.), Клементя XIII (1758-1769 гг.), Клементя XIV (1769-1774 гг.), Пия XVI (1775-1799 гг.), а также источники, содержащие позицию Католической церкви, касающуюся доктрины естественного права и светского источника власти в государстве – папские энциклики периода понтификата Пия VI. В работе использованы как политологические, так и общенаучные методы исследования, такие как исторический, ценностно-нормативный, институциональный методы и другие. Основными выводами проведенного исследования являются представления автора о том, что несмотря на признание Католической церковью большей части прав и свобод, которые закреплялись за человеком в результате Великой французской революции, стремление французской ассамблеи признать источником этих прав и свобод естественное состояние человека, отрицая религиозный фактор, подчинить духовенство светской власти, предопределило невозможность примирения со Святым Престолом вплоть до конкордата с Наполеоном.

Ключевые слова: Католическая социальная доктрина, религия, политика, Великая французская революция, энциклика, Католическая церковь, Пий VI, христианство, Гражданское устройство духовенства, Права человека.

Abstract: The subject of the study is the position of the Catholic Church on the most important aspects of political and economic development of society during the French Revolution, as well as the reaction of the Church to the introduction of a secular constitution in France along with the Civil Constitution of the Clergy, as an attempt to subordinate the Church to the secular authorities. The author analyzes the main sources containing the position of the Catholic Church on the secular trend in European countries – the papal encyclicals during the pontificate of Benedict XIV (1740-1758), Clement XIII (1758-1769), Clement XIV (1769-1774) Pius XVI (1775-1799), as well as the sources including the Church's position on natural law doctrine and the secular source of state power – papal encyclicals during the period of Pius VI pontificate. The author comes to the conclusion that despite the fact that the Catholic Church recognized the majority of human rights and freedoms assigned to individuals as a result of the French Revolution, the strive of the French Assembly to recognize the natural state of a human as a source of these rights and freedoms and attempts to subordinate clergy to secular power, predetermined the reconciliation with the Holy See impossible, even to the extent of concordat with Napoleon.

Keywords: Catholic Church, encyclical, French Revolution, politics, religion, Catholic social doctrine, Pius VI, Christianity, Civil Constitution of Clergy, human rights.

Под католической социальной доктриной можно понимать комплекс текстов, как правило – папских энциклик, в которых содержится официальная позиция католической церкви по вопросам политического устройства, экономической модели, роли государства и степени его вмешательства в дела общества.

Первый этап развития католической социальной доктрины включает в себя период с 1740 по 1789 гг., охватывая временной отрезок от издания первой энциклики Бенедиктом XIV и до Великой французской революции. Подобные хронологические рамки объясняются в первую очередь содержательной эволюцией католической социальной мысли.

Великая французская революция стала если не водоразделом, то определенной кульминационной точкой папского реакционизма, в след за которым начинается постепенное смирение Ватикана со складывающимся политическим порядком в Европе. В то же самое время, данный период развития социальной доктрины католицизма интересен не только с точки зрения кардинального контраста отдельных положений самого учения в историческом контексте, но и потому что именно на начальном этапе можно проследить становление ряда ключевых принципов взаимоотношений между католицизмом и светскими политическими институтами.

Профессор Майкл Шук обращает особое внимание на то, что для католицизма характерно создание «интеллектуального резерва», к которому церковь обращается и спустя столетия, при проведении кардинальных реформ. Скажем, при проведении Второго Ватиканского Собора католики ссылались на представление о разделении государства и церкви, сформированное еще в V веке[1]. Таким образом, о начальном этапе развития католического социального учения следует во-первых говорить как о первой стадии именно современного развития социальной доктрины католицизма, так как истоки ее лежат еще в патристике, хоть и не рассматривают вопросы светских политических институтов. Во-вторых, начальная стадия развития современной католической социальной доктрины не следует рассматривать в качестве исключительно реакционистского периода, учитывая взаимосвязанный характер принципов и позиции церкви на протяжении всего ее современного этапа формирования.

Дореволюционный период включает в себя 24 энциклики, изданных Бенедиктом XIV (1740-1758 гг.), Клементом XIII (1758-1769 гг.), Клементом XIV (1769-1774 гг.), Пием XVI (1775-1799 гг.). Обстановка в предреволюционный период не является благоприятной для католической церкви. На фоне XIX Вселенского собора, который принято называть «Триденским» (по месту его проведения), считающегося отправной точкой контрреформации, абсолютные монархии Европы предпринимают достаточно жесткие шаги, направленные на уменьшение собственной зависимости от Папы. На территории большинства европейских государств запрещается деятельность ордена иезуитов. Официальной датой расформирования ордена принято считать 21 июля 1773 года, когда было опубликовано послание папы Клементя XIV «Dominus ac Redemptor», упраздняющий «Общество Иисуса».

Однако данному шагу предшествовал запрет деятельности данной организации на территории Португалии (1759 г.), Франции (1764 г.), Королевстве Обеих Сицилий, Мальте, Парме и Испании (1767 г.).

Противостояние европейских монархий проводникам папской контрреволюционной политики объясняется в первую очередь политической целесообразностью. Орден Иезуитов был чрезвычайно интернационализированной организацией, подвластной и лояльной исключительно фигуре Папе Римского. Для монархий Европы, стремящихся в тот период к централизации собственной власти, ее максимально возможной секуляризации, изгнание иезуитов было достаточно предсказуемым решением.

Тем временем, в Австро-Венгрии, династия Габсбургов осуществляет церковную реформу, хотя однозначного мнения на данный счет в научном сообществе нет. Так, ряд ученых рассматривают политику Марии Терезии в контексте попытки подчинения церкви воле светской власти и лишения ее влияния в образовательной сфере, а также ослабления финансовых и экономических рычагов влияния[2][3]. В то же время, существует и иная точка зрения – несмотря на то, что Габсбургами была осуществлена успешная попытка подчинения традиционно церковных сфер (в первую очередь образования) светскому законодательству, весомая часть католических принципов была попросту инкорпорирована в гражданский кодекс и нормативно-правовые акты. Скажем, несмотря на передачу начальной и средней школы под контроль светских органов власти, католическое содержание образования только усилилось[4].

Тем не менее, этот период безусловно является временем существенного давления светской власти на церковные институты в империи Габсбургов. Во-первых, широкое распространение получает феброниянство – движение, получившее свое название от псевдонима «Юстинус Феброниус», под которым писал епископ-коадьютор Трира, Иоганн Николаус фон Хонтхайм. Суть феброниянства сводилась не просто к отторжению принципа непогрешимости папы римского, но и отказа от признания его абсолютной власти, с требованием ограничить ее властью архиепископов и общих собраний[5]. Несмотря на то, что ряд ученых обозначают феброниянство как немецкий аналог галликанства, распространенного во Франции, в действительности идеи фон Хонтхайма были куда шире и опаснее для католической церкви, чем французская модель. Галликанство, в первую очередь – самостоятельность французской церкви от папской власти и закрепление за светской властью

права иметь властные полномочия во французской церкви. Фебронианство же было направлено на глобальную внутреннюю реформу католической церкви, окончательной целью которой было лишение папы каких бы то ни было властных полномочий.

Реальная значимость фебронианства объясняется его ролью в церковной политике Габсбургов. Учение фон Хонтхайма, фактически, становится идейной, теоретической основой иосифизма – политики Иосифа II, императора Священной Римской Империи, по отношению к католической церкви. Роль церкви была сведена к моральному наставлению граждан, священнослужители обрели статус государственных служащих и были полностью подотчетны государственной власти, а образование духовенства проходило под строгим надзором светской бюрократии. Как утверждал профессор Университета Фордхема, Джеральд Маккул, самостоятельность австрийской церкви от святого престола была расширена настолько, насколько может себе позволить церковь, считающаяся католической[6]. Это в действительности важно, потому что Рим не предпринимает резких шагов и предпочитает мириться с фебронианством так же, как и с галликанством во Франции. Если сравнить реакцию католической церкви на процесс национализации церковью, попытки взять под государственный контроль кадровые назначения в церковной иерархии, с ее же реакцией на результаты революции во Франции, то можно и вовсе сказать, что католическая церковь была безразлична к данным процессам.

Во многом, и в период реформации, и в период активной борьбы монархов за национализацию епархий, католическая церковь проявляла сдержанность, в той степени, в которой это было возможно. Папство традиционно рассматривало расколы в церкви как временный фактор и не предпринимало радикальных шагов для борьбы с этими явлениями. Причина, по всей видимости, кроется в ключевых вопросах – источнике власти и природе права. Реформация, в частности, идеи Лютера, были значительно радикальнее более поздних взглядов фебронианцев или галликанства, так как предполагала отказ от папы, как такового, однако, даже при всем этом, католическая церковь ограничилась угрозой отлучения Лютера от церкви, содержащейся в булле *Exsurge Domine* 1520 г., которую сам Лютер сжег перед Эльстернскими воротами. В случае с фебронианством, галликанством и другими более поздними течениями, речь шла не об отказе от института понтифика, а лишь об ограничении его власти, и то в пользу епископских соборов. Сторонники фебронианства видели в этом в первую очередь политическую значимость, так как

епископами в Германии являлись в первую очередь князья, для которых подобная идеологическая доктрина предполагала увеличение статуса и объема политических ресурсов. С течением времени, галликанство и фебронианство постепенно стали угасать как течения, а их сторонники либо перешли в более традиционное русло, либо, наоборот, приняли более радикальные подходы протестантов.

Что же касается реформации, то реакция на нее, естественно была жестче, чем на более поздние течения, однако, тем не менее, уступала противоречиям, вызванным великой французской революцией. Само измерение степени реакционности, конечно, довольно условно, так как нет критерия для определения того, насколько жестко отреагировала католическая церковь на те или иные события. Однако масштабность перемен, вызванная реформацией или революцией, их последствия для самой церкви позволяют, по крайней мере, сопоставлять в исторической перспективе данные события. И в этой связи, конечно, мало что наносило католической церкви такой удар, как революция во Франции. Ведь реформация, при всем ее противостоянии католической иерархии, стремлении к самостоятельности, по крайней мере, не отрицала божественной природы власти, права и достоинства человека. Протестантизм отрицает роль священника как посредника между человеком и Богом, предполагая, что каждый человек является священником в силу своего перерождения во время крещения, что позволяет ему общаться с Богом самостоятельно, оставляя за формальными священнослужителями исключительно административные функции[7]. При этом, протестанты не оспаривали роль Бога как источника власти, прав и свобод человека, его достоинства. Таким образом, диспут оставался в сфере теологии и оставлял католической церкви определенную надежду на скорое угасание конфликта, возврат протестантов в традиционное русло католической церкви, что планировалось обеспечить проводимыми реформами.

Современную Европу в политико-правовом смысле можно безусловно считать наследием Великой французской революции, которая сформировала ключевые принципы демократии западного образца. В то же самое время, отделение церкви от государства, лишение европейских государств представления о христианстве, как о своей неотъемлемой цивилизационной основе существования – также является результатом французской революции.

Великая французская революция отвергала не только церковную иерархию католической церкви, но и отрицала все ее представления о природе политики, прав и свобод человека и других сфер общественных

отношений. Идея о естественном праве в корне нарушала все принципы католического мировоззрения и потому реакция на французскую революцию и не могла быть аналогичной контрреформации. Хотя, ряд ученых предполагает, что реформация заложила основу для дальнейшей революции, и настоящим источником «катастрофы» являлась именно реформация[8].

Хилэр Беллок, в своей работе «Французская революция», отмечает, что самым ожесточенным противостоянием революционной эпохи стала борьба с католической церковью, вместе с тем, задавая вопрос – было ли подобное противостояние неизбежно? Содержались ли в доктрине католической церкви пункты, отвергающие идеалы демократии, или несли ли в себе французская революция воззрения, несовместимые с католицизмом? Беллок отвечает на данный вопрос отрицательно, будучи уверенным, что французская революция попыталась осуществить то, о чем католицизм говорил практически с момента своего институционального основания, и что доктринальных противоречий между двумя идеологиями не было, речь шла лишь о противостоянии элит, возглавляющих, соответственно, католическую церковь и французскую революцию[9].

Тем не менее, можно ли было избежать противостояния между светской революцией с одной стороны и католической церковью с другой, или нет – конфликт состоялся, и его последствия сказываются на церковно-государственных отношениях в Европе и по сей день. И, по всей видимости, глубина противостояния в этом конфликте, могла бы дать положительный ответ на вопрос Беллока – было ли подобное противостояние неизбежно? Речь, в данном случае, не может идти лишь о недопонимании элит, некоем личностном конфликте. Можно было бы согласиться с Беллоком в том, что идеалы французской революции – свобода, равенство, братство – плоть от плоти христианского учения. Права и свободы человека и гражданина – производная от христианского представления о роли человека в мире. Однако, противостояние все же было неизбежно, так как французская революция, а в дальнейшем и вся либеральная политическая мысль видела в качестве источника правового статуса личности представление о естественном праве, о неразрывной принадлежности человеку прав и свобод уже только по факту его рождения, отвергая религиозное представление о принадлежности тех же прав и свобод человеку, но по причине Божьей воли. Безусловно, был целый ряд проблемных вопросов, связанных и с материальным положением Церкви, и со стремлением подчинить ее светской властной иерархии, однако именно вопрос источника власти и правового статуса

личности превратил это противостояние в идейное, что на долгие годы сформулировало систему взаимоотношений между церковью и государственной властью в Европе.

Французская революция приходится на время понтификата Пия VI, который до этого пытался бороться с фебрианством и иосифизмом, однако особых результатов в этом направлении не зафиксировал. В период понтификата Пия VI было издано 27 энциклик, из которых 11, в той или иной степени, затрагивают французскую революцию:

1. Quod aliquantum (1791);
2. Cum popoli (1791);
3. Charitas (1791);
4. Adeo nota (1791);
5. Novae hae litterae (1792);
6. Ubi communis (1792);
7. Dum nos (1792);
8. Ubi lutetium (1792);
9. Perpensis circumstantiis (1792);
10. Quare lacrymae (1793);
11. Ad nostras manus (1793).

Наибольшее значение из них имеют две энциклики – Quod aliquantum (1791) и Charitas (1791), в которых осуждается Декларация прав человека и гражданина 1789 г., а также Гражданское устройство духовенства 1790 г.

Пий VI достаточно долгое время предпочитал не реагировать на события во Франции, как уже было сказано выше, предполагая, что это очередное стремление к автономности местной церкви, что было вполне приемлемо и не должно было вызвать существенного противостояния. Однако наступление революционеров на интересы католической церкви развивалось постепенно и в какой-то момент достигло пика, предопределившего невозможность дальнейшего нейтралитета папы.

После конфискации церковного имущества, роспуска монашеских орденов, национальная ассамблея опубликовала Гражданское устройство духовенства 1790 г., которым фактически объявила священнослужителей государственными служащими, назначающимися и оплачиваемыми светским правительством. Епископам же была отведена роль независимых от Рима избираемых церковных функционеров.

Луи XVI не спешил с признанием Гражданского устройства духовенства, ссылаясь на отсутствие официальной позиции Рима. 9 июля 1790 Пий VI написал письмо королю, в котором не допускал возможности достижения договоренностей. В ответ, Луи попросил папу смягчить позицию, так как сам находился под постоянным давлением ассамблеи и ее требования

признать акт, что ему было бы куда проще осуществить, если бы папа признал несколько пунктов. Пий VI, напротив, отмечал, что церковь не может принять каких-либо положений гражданского устройства, так как ни один политический режим не имеет права в одностороннем порядке изменять внутреннюю структуру церкви. Попытки Луи провести консультации с кардиналами и представителями церкви фактически провалились после резко негативной реакции французских священнослужителей против Гражданского устройства духовенства, которая была выражена ими в т.н. «Экспозиции принципов» (*Exposition des principes sur la constitution civile du clergé*), что и открыло дорогу для вмешательства папы и резкого осуждения шагов ассамблеи.

Папа осуждает всех французских священников, давших клятву верности светской конституции, саму конституцию и гражданское устройство духовенства, что, естественно, влечет за собой разрыв дипломатических отношений, вражду, а затем и изгнание Пия VI из Рима в 1798 году.

Какие бы то ни было отношения между католической церковью и Францией отсутствовали вплоть до их нормализации в 1801 году, после заключения конкордата между Наполеоном и Папой Пием VII, подписанным 15 июля в Париже. Конкордат был призван привести к национальному примирению между революционерами и католиками, провозглашая католическую церковь представителем большинства населения Франции. Конкордат, естественно, не восстановил права собственности церкви на земли и имущество, однако большинство функционеров католического духовенства вернулось из ссылки и

отношения из открытого противостояния перешли в состояние недоверия и взаимной подозрительности между светской властью и церковью.

Основной массив доктринальных позиций католической церкви по отношению к политическим идеям французской революции будет принят чуть позже, спустя несколько десятилетий, когда станет очевидно, что республиканские идеи постепенно распространяются и в других территориях католического влияния, а их жизнеспособность оказалась куда больше, чем предполагал папа.

Однако уже в этот период ярко демонстрируются две тенденции:

1. Католическая церковь была готова к внутреннему реформированию и реструктуризации, учитывая национальный фактор и стремление к автономии региональных элит, но только в том случае, если это происходило по инициативе самого духовенства, а не светской власти, в особенности республиканской;
2. Ключевым фактором противостояния между католической церковью и просвещением становится идея естественного права, источником которого является не Бог, а также представление о власти, источник которого также не тождественен Богу;
3. Осознание масштабности происходящих процессов в католической церкви отсутствовало и на протяжении достаточно долгого времени папа и вовсе не реагировал на происходящие события, предполагая, что это лишь временное явление, по сути своей являющееся очередным проявлением галликанства, иосифизма, фебронизма и т.п.

Библиография:

1. Michael Schuck. *Early modern roman catholic social thought, 1740-1890*. Washington: George Town University Press, 2005. p. 100.
2. Rita Krueger. *Czech, German, and Noble: Status and National Identity in Habsburg Bohemia*. Oxford University Press, 2008.
3. Frank W. Thackeray, John E. Findling. *Events That Formed the Modern World: From the European Renaissance through the War on Terror [5 volumes]: From the European Renaissance through the War on Terror*. ABC-CLIO, 2012. p. 97.
4. Robert A. Kann. *A History of the Habsburg Empire, 1526-1918*. University of California Press, 1980. p. 240.
5. John Stephen Bowden. *Christianity: The Complete Guide*. Continuum. 2005, p. 1043.
6. Gerald A. McCool. *Nineteenth-century Scholasticism: The Search for a Unitary Method*. Fordham University Press. 1989, p. 22.
7. George Wolfgang Forell. *The Protestant Faith*. Fortress Press, 1975. p. 25.
8. Brian Sudlow. *Catholic Literature and Secularisation in France and England, 1880-1914*. Oxford University Press, 2013, p. 125.
9. Hilaire Belloc. *The French Revolution*. Williams and Norgate, 1915. p. 220.
10. Касаткин П.И. Роль русской православной церкви в современных мировых политических процессах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук // Московский государственный институт Международных отношений. М., 2010. 190 с.
11. Касаткин П.И. Русская православная церковь как актор современной мировой политики // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6(15). С. 141-151.
12. Касаткин П.И. Русская православная церковь на постсоветском пространстве // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 57-68.
13. Енгибарян Р.В. Исламский вызов // Право и управление. XXI век. 2013. № 2. С. 3-4.

14. Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Этнос в современном мире // Право и управление. XXI век. 2008. № 2. С. 3-8.
15. Побаев И.А. Избрание представителей религиозных организаций в законодательные органы власти субъектов: теоретический и исторический аспекты // Юридические исследования. 2014. № 7. С. 36 – DOI: 10.7256/2409-7136.2014.7.12706. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_12706.html

References (transliterated):

1. Michael Schuck. Early modern roman catholic social thought, 1740-1890. Washington: George Town University Press, 2005. p. 100.
2. Rita Krueger. Czech, German, and Noble: Status and National Identity in Habsburg Bohemia. Oxford University Press, 2008.
3. Frank W. Thackeray, John E. Findling. Events That Formed the Modern World: From the European Renaissance through the War on Terror [5 volumes]: From the European Renaissance through the War on Terror. ABC-CLIO, 2012. p. 97.
4. Robert A. Kann. A History of the Habsburg Empire, 1526-1918. University of California Press, 1980. p. 240.
5. John Stephen Bowden. Christianity: The Complete Guide. Continuum. 2005, p. 1043.
6. Gerald A. McCool. Nineteenth-century Scholasticism: The Search for a Unitary Method. Fordham University Press. 1989, p. 22.
7. George Wolfgang Forell. The Protestant Faith. Fortress Press, 1975. p. 25.
8. Brian Sudlow. Catholic Literature and Secularisation in France and England, 1880-1914. Oxford University Press, 2013, p. 125.
9. Hilaire Belloc. The French Revolution. Williams and Norgate, 1915. p. 220.
10. Kasatkin P.I. Rol' russkoi pravoslavnoi tserkvi v sovremennykh mirovykh politicheskikh protsessakh. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk // Moskovskii gosudarstvennyi institut Mezhdunarodnykh otnoshenii. M., 2010. 190 с.
11. Kasatkin P.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' kak aktor sovremennoi mirovoi politiki // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2010. № 6(15). S. 141-151.
12. Kasatkin P.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' na postsovetskom prostranstve // Regional'nye issledovaniya. 2010. № 2. S. 57-68.
13. Engibaryan R.V. Islamskii vyzov // Pravo i upravlenie. KhKhI vek. 2013. № 2. S. 3-4.
14. Engibaryan R.V., Krasnov Yu.K. Etnos v sovremennom mire // Pravo i upravlenie. KhKhI vek. 2008. № 2. S. 3-8.
15. Pibaev I.A. Izbranie predstavitelei religioznykh organizatsii v zakonodatel'nye organy vlasti sub'ektov: teoreticheskii i istoricheskii aspekty // Yuridicheskie issledovaniya. 2014. № 7. С. 36 – 47. DOI: 10.7256/2409-7136.2014.7.12706. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_12706.html